

УДК-6П8.1

ББК-36.822

**ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ
МЕЛЬНИКОВ СЕВЕРНОГО
ТАДЖИКИСТАНА**

*Джураев Муроджон Сангинбоевич,
аспирант кафедры археологии и
этнографии таджикского народа
ХГУ им. акад. Б. Гафурова
(Таджикистан, Худжанд)*

**MILLERS` CUSTOMS
AND RITES IN NORTHERN
TAJIKISTAN**

*Djurayev Murodjon Sanghinboyevich,
post-graduate of the department of the
archeology and ethnography of the Tajik
nation under Khujand State University named
after academician B. Gafurov
(Tajikistan, Khujand)*

E-MAIL: Murodjon.Juraev@mail.ru

Ключевые слова: обычаи и обряды, мукомольное дело, постройка мельницы, производство муки, Северный Таджикистан

В статье рассматриваются обычаи и обряды мукомолов Северного Таджикистана XIX-XX вв. Во время полевых исследований, проведенных в разных районах Согдийской области РТ, было собрано много новых сводных материалов, связанных с ритуалами и культурами мельников. На основе этих материалов делается попытка проанализировать роль и место традиционных обрядов и обычаев в быту населения Северного Таджикистана.

Также в статье впервые рассмотрена история изучения некоторых обычаев, обрядов, культов и специфических черт традиционного мукомольного производства в Северном Таджикистане. Хронологические рамки исследуемых вопросов охватывают период с конца XIX в. до настоящего времени.

Key words: customs and rites, flour grinding, mill building, flour production, Northern Tajikistan

The article dwells on a number of customs and rites of the millers of Northern Tajikistan in the period of the XIX-th - the beginning of the XX-th centuries. During field explorations conducted in different areas of Sughd viloyat personally by the author the latter collected a lot of materials connected with millers` cult rituals. Proceeding from these materials the author makes an endeavour to analyze the role and place of traditional customs and rites in every day life of the population inhabiting Northern Tajikistan.

The issue concerned with the history of the studies in reference to certain customs, rites, cults and peculiar features of mill grinding production in Northern Tajikistan is touched upon for the first time. Chronological frames of the questions explored comprise the period referring to the end of the XIX-th century up to the present time.

Обрядовая практика - это самобытный источник для изучения общей системы народного мировоззрения. Каждое занятие людей, в том числе и мукомольное, сопровождалось собственной обрядовой системой, сложившейся в течение длительного периода и отражающей быт и характер её носителей. Как известно, обряды и обычаи представляют собой форму передачи новым поколениям социального, культурного и профессионального опыта. Мельники, как и представители других ремёсел, имели свои традиции, обряды и ритуалы, которые передавались из поколения в поколение и представляют собой источник для изучения истории мукомольного промысла. Особенность этого источника состоит в том, что повседневные явления окружающей действительности интерпретируются в нём с определённой позиции, сохраняющей логику первобытного магического мышления.

Изучение отдельных аспектов обрядовой системы, в частности некоторых поверий и обрядов, касающихся постройки мельницы и её функциональности, представляет несомненный интерес, так как даёт возможность осветить одну из сторон быта определённой группы ремесленников - мельников, сохранивших исторически сложившиеся духовные представления, обычаи и верования, включающие, наряду с позднейшими наслоениями, элементы древних ритуалов, восходящих к доисламской эпохе.

При сборе материалов по истории мукомольного производства нами были записаны обряды и ритуалы, связанные с этим видом деятельности. Главным источником сведений по данному вопросу послужили для нас беседы с информаторами-мельниками. Этому вопросу уделяли внимание и специалисты – этнографы и культурологи, изучавшие духовную культуру. Однако их внимание концентрировалось, в частности, на культе воды (4, с. 231), являющейся движущей силой мельниц, и т.п. Однако у земледельцев Северного Таджикистана, как и у жителей других оазисов Таджикистана, сложилась развитая система обрядов и ритуалов, связанных с производящим хозяйством (8, с. 41).

Собранные нами полевые материалы связаны главным образом с мельницами, которые, как и другие производственные приспособления типа рисорушки, маслобойки, являлись важнейшими объектами жизнедеятельности населения.

После выбора места для постройки мельницы и пуска её в производство владелец мельницы с благословения старейшин совершал обряд жертвоприношения (*хун кардан ё хун баровардан*). Если мельница считалась общей, то есть народной или вакуфной собственностью, жертвенное животное (чаще всего барана) приобретали вскладчину на деньги народа, или его мог пожертвовать во имя благого дела кто-то из состоятельных членов общины. Мулла читал суру из Корана. Из мяса жертвенного животного варили суп. После завершения обряда жертвоприношения вновь читали суру из Корана.

В северных районах Таджикистана общественные мельницы строили всем миром (*хаишар*), безвозмездно. А для строительства частных мельниц её владелец нанимал рабочих – поденщиков либо возводил мельницу сам с участием родственников, близких и друзей. Работой по строительству мельницы руководили мастера мельничного дела. В строительстве участвовали мастер - камнерез и др. умельцы. Мастер мельничного дела обычно устанавливал многочисленные детали мельницы, в том числе лопасть мельницы, водовод-таноб и др. В ряде случаев каменотес-сангбур и плотник работали рука об руку (3, с. 16).

В горных районах Северного Таджикистана - в Аште, Горной Матче, в селениях Айнинского района – мельницы строили в основном из камня. Численность участников хашара зависела от объёма работ и размера мельницы.

В верховьях Зеравшана перед вбиванием первых клиньев мастер-камнерез и старейшины селения приглашались на ближайший мазар. Подрядчик приносил с собой 20-30 жареных лепёшек «чалпак», которые съедались всеми присутствующими. Затем читалась молитва, обращённая к духам предков, патронам мельницы, а также к духу мазара с просьбой оказать содействие в раскалывании камня. После чего мастер-камнерез вместе с помощниками и учениками уходил к месту подготовки жерновов, с тем чтобы вбить клинья (11, с. 676). Еду мастеру доставляли к месту работы. В кишлаке Дарг Айнинского района существовал такой обычай: во время доставки (скатывания) жернова с места его выделки до места установки никто не должен был стоять на его пути. Сопровождавший жернов человек должен был или идти рядом с ним, или стоять в укромном месте (10).

Патроном мастеров мельничного дела, а также каменотёсов считался Хазрати Джабраил (архангел Гавриил). Известный этнограф М.С. Андреев отмечает, что «нетрудно догадаться, как подобные древние языческие представления или верования о происхождении различных ремёсел были исламизированы и затем прикреплены вместо древних дивов и других их основателей именами уже мусульманских святых, очень отдалённых по времени, вроде пророка Дауда (Давида) - патрона кузнецов, Авраама - первого земледельца, и прочих» (1, с. 94, 96).

Перед тем как пустить воду к мельнице, в устье желоба, а также рядом с колесами и жерновом и по углам здания ставили свечи - "нукча". Затем, после исполнения всех этих обрядов и молитв, пускали воду в желоб. По одной легенде, когда «Хазрати Джабраил алайхиссалам» построил мельницу, она работала очень плохо, зерно равномерно не сыпалось из дула. В это время, согласно легенде, добрый дух, приняв облик старика, пришёл с посохом и попросил Бога помочь ему. Он поставил один конец своего посоха на капчак (деталь жёрнова), а другой конец ввёл в жернов. В результате посох трётся о камень и приводит в движение капчак. Зерно равномерно сыпется в отверстие, и мельница работает свободно.

Согласно легендам горцев, первым учредителем мельницы в Хуфе являлся добрый Див Дани. Согласно одной из легенд хуфцев, «он взял жернов, надел его себе на шею, просунув голову через отверстие, и вертел жернов у себя на шее, как на стержне». В равномерном ссыпании зерна, по легенде, помогал чёрт («шайтон»). В конце дула устанавливали приспособление, называемое по-хуфски «заредзак», т.е. «куропаточка», которое регулировало поступление зерна в отверстие к жерновам (1, с. 93). А в Язгулеме таким покровителем мельниц, или «хозяином мельницы», считался Диви Сафед. Согласно сообщениям Л.Ф. Моногаровой, «здесь он выступает часто существом мужского пола. Предание рассказывает, что, когда жили первые люди, они не знали мельниц и молотили зерно большим камнем «блялюк» (зернотёркой). Как-то раз одна женщина несла смолотое зерно; ей навстречу попался Див-и-Сафед и спросил, что она делала. Женщина ответила, что молола зерно. Тогда Див предложил построить мельницу, если она согласится вступить с ним в близкие отношения. Женщина решила спросить совета у мужа. Муж сказал: «Обещай это Див-и-Сафиду, пусть он построит мельницу, а я потом приду и

прогону его». Женщина вернулась к Диву и сказала: «Строй». Див все сделал, только не успел пустить воду по деревянному желобу, так как пришел муж этой женщины. Див побежал прочь, а муж закричал ему вслед: «Что еще нужно сделать?». Див-и-Сафед ответил на ходу: «Пускайте много воды через деревянный желоб». Так Див-и-Сафед дал людям мельницу. Поэтому считается, что ночью на мельнице надо молотить зерно обязательно при свете. Если огонь не будет зажжен, Див-и-Сафед придет и помешает, так как он сердится» (8, с. 74).

По информации старожиллов-мельников, у каждой мельницы имеется «див», «джин», т.е. демон-покровитель, который способствует нормальной работе мельницы. Он добр к людям и не причиняет им зла. Но если по какой-нибудь причине дух разгневадается, то произойдет сбой в работе мельницы. Это приписывается святому духу мельницы – «пири осие». У. Эшонкулов полагает, что термины «дев» или «див» пришли к нам из дозораострийской религии арийцев, а таджикский термин «пири осие» является отголоском названия древнего доисламского божества зерна, которое являлось покровителем мукомольного промысла (11, с. 677).

По установившему обычаю, мельники-«осиебон» раз в месяц или раз в год совершали жертвоприношение духам мельников. Данный обряд совершали также после завершения работ по ремонту какой-нибудь детали мельницы или после замены жернова или других важных частей, а также с наступлением праздников. В посвящение духу мельницы – «пири осие», в нижней части мельницы зажигали свечи. Для исполнения этого обряда мельник приглашал священнослужителя – «домулло». По этому случаю женщины готовили в качестве жертвоприношения «чалпак» и раздавали их соседям. Нередко проносили в жертву барана или козу.

Самым интересным было то, что ночью на мельнице нельзя было ночевать в одиночку, оставались ночевать по двое. Если мельник ночевал со своей женой, то им было категорически запрещено вступать здесь в половые отношения, так как мельница считалась святым местом – «пирхона». Во избежание гнева «духа мельницы» также было запрещено мочиться не только вокруг мельницы, но и лицом к ней.

По материалам, собранным У. Эшонкуловым, клятва именем «пири осие» – духом мельницы, считалась у таджиков одной из самых сильнодействующих, а мельницы как почитаемые объекты приравнивались к наиболее посещаемым мазарам (11, с. 677). Также, согласно преданию таджикского населения горного Соха, ночью возле желоба или вокруг мельницы нельзя было ходить одному. Якобы здесь разгуливали демоны и джинны – «парихо», которые могли нанести ущерб здоровью человека. По словам старожиллов, в закромах мельницы ночами разгуливали недобрые пери. Сохцы считали мельницы священным местом и не пускали в них беременных, а также женщин, находящихся в состоянии нифаса (родильниц). Перед тем, как войти в мельницу, рекомендовалось произвести омовение. Женщины, пришедшие к мужьям, работавшим на мельнице, не должны были приближаться к ней. Оставаясь в 50-100 метрах от мельницы, они звали мужей именем своих детей. Согласно преданиям, женщина, приблизившаяся к мельнице, якобы лишалась благоденствия. Чудное действие мельницы было настолько сильным, что люди клялись у камня мельницы, у закровов, а также возле веника для подметания муки – всё это считалось сакральным. Например, среди таджиков сильной считалась клятва

«чанги осие̄ занад, ки ман туя гирифта бошам» («клянусь мучной пылью, если я взял то или это») (2, с. 230-231).

Известный таджикский поэт Нозирджон Бохири в сборнике стихов под названием «Талош» сочинил о мельнице стихотворение из 87 строк. Мы приводим часть из них с нашим подстрочным переводом:

*«... Осие̄бон дар хаёли ман худо буд,
Мельник нам казался богом,
Чархи гардун чарху санги осие̄ буд,
Жернова казались небесным сводом.
Осие̄ даргохи он буд,
Мельница - ворота к этим сводам,
Халкро рузирасон буд.
Источник благоденствия народа.
«Хар касе дорад ба у ачзу ниёз,
Каждый приходит к ней со своей нуждой,
Гар на у, пас кист, - мегуфтам, - карими корсоз?...»
Кто милосерден, если не она...?» (8, с. 50).*

Согласно нашим расспросным материалам, собранным в районах Верхнего Зеравшана, мельницы почитались наравне с мазарами. В связи с этим, в недалеком прошлом некоторых больных, особенно чем-то напуганных, приводили к мельнице, ставили свечи и просили "пири осие̄" (старца, патрона мельницы) помочь человеку в излечении от болезни, брали немного воды из-под мельничного колеса и обрызгивали ею больного. Данный ритуал выполняли женщины – ворожеи или старухи. Считалось, что вода, которая текла по лопастям мельницы, является благодатной и лечебной. В старину горцы использовали мельничную воду во время обряда бракосочетания, а также при купании новорожденного ребёнка. Данный ритуал, как правило, проводили в день празднования Навруза. Обряд получения или «похищения» воды из-под мельницы в первую неделю Навруза существовал ещё в период правления династии Сасанидов (III-VII вв.). Согласно легендам, «воду похищала девушка в серебряном кувшине» «... у двух благословенных и двух благодатных мест» - из-под мельницы и из цистерн» (11, с. 678).

У таджиков кишлака Пунук Аштского района до недавнего времени бытовал обряд - праздник «осие̄тӯи». По информации местного жителя Алихона Махсумова, сельчане узнавали у мельника о его свободном от работы дне на мельнице и приносили туда мешки с зерном. Члены семьи и родственники поочерёдно помогали мельнику в работе. На второй день в доме хозяина устраивалось угощение. Часть муки уносили домой девушки на выданье и просеивали через сито, именуемое «осие̄тӯи». Для гостей варили плов из 10-15 кг риса (5, с. 131).

У таджикского населения Шахристана наблюдался другой обряд. Например, по завершении обряда «мушкилкушо» («разрешения трудностей») вату, использованную во время обряда, кидали в желоб мельницы. Там же отдельная группа жителей набирала в сосуды немного воды из-под колеса мельницы и, произведя некоторые обряды над этой водой, поила больных родственников с надеждой на их скорое выздоровление. Такая

ритуальная вода на местном языке называлась «кайтарма»¹ (9, с. 143-144), что означало «исцеление». Этой же водой после чтения определенной молитвы поили напуганных чем-нибудь людей (10).

Мельник Абдували Уралов (1947 г.), уроженец селения Карамазор Аштского района, сообщил, что жители их селения использовали воду из-под колеса мельницы также для лечения кожных заболеваний. Женщины селения Камишкургон того же района еженедельно в среду (чоршанбе) бросали использованную во время обряда вату под желоб мельницы с надеждой на скорое выздоровление больного. Нам с трудом, но все же удалось получить полную информацию о целях такого ритуала, связанного с водой из-под желоба мельницы. Ритуал проводили в основном женщины-ворожеи. Обряд «мушкилкушо» проводили по средам в семьях, где имелась девушка на выданье. Данный обряд можно истолковать как созыв сватов.

По информации уроженки селения Пискократ Аштского района Шарофат Юлдошевой (1938 г.), для совершения упомянутого обряда «мушкилкушо» приглашались только женщины пожилого возраста. При чтении молитвы присутствующие на этом сходе женщины держали на ладони правой руки вату и горстку изюма и пели стишок:

*«Бар сари ҳар ангур бикшояд, ба ҳар чое,
Қулфи дилҳоро кушояд ба ҳар чое.»,
т.е. «Каждая виноградина должна быть плодородной,
каждое сердце должно быть открытым».*

Хозяйка дома по завершении обряда уносила вату и изюм из дома, а затем бросала их под желоб мельницы. Эти примеры свидетельствуют о сакральной чистоте воды из-под мельничного желоба. Другой пример: бывший мельник Миряхё Усманов (1954 г.), уроженец селения Кальчаи Араб, рассказал, что однажды на его мельницу явился молодой человек с женой. У женщины была затянувшаяся беременность, продолжавшаяся более 9 месяцев. По совету сельского знахаря, для того, чтобы роды прошли безболезненно, беременная сделала 4-5 кругов вокруг жернова мельницы и вскоре родила мальчика. Многие мельники Ашта держали воду из-под колеса мельницы в запасе, так как в зимнюю пору, когда мельницы простаивали, резко возрастала нужда в такой воде.

Во многих селениях Ганчинского района обряды имели свои особенности. Например, по рассказам мельника Зувайдулло Камолова (1957 г.) из селения Янги Курган, воду из-под колеса мельницы доставляли даже в Ташкент. Это объясняется тем, что до сих пор в обычаях таджиков и других народов Средней Азии существует понятие «ниёз» - обет. На основе этого обряда новорожденный «прикреплялся» к какой-то одной мельнице или мазару, и его дальнейшая судьба зависела якобы от прихоти этих объектов. По этой причине родители один раз в год посещали эти святые места и совершали жертвоприношение.

¹ «Обряд джсин-кайтарма устраивался над больными, если их мучили кошмарные сны, особенно если им приснилось, что кто-то давал им какой-то острый предмет, в частности иглу (тегана, сузан), или если им снились лохматые и грязные женщина или мужчина, или дикие животные. Для совершения обряда джсин-кайтарма больной нес шаманке в кувшине (афтова) воду, взятую из арыка, отводящего лишнюю воду от мельницы (парчоби осие), кусок новой белой бязи (суфши сафеди охари), новый кусок мыла и три или семь иголок, которые еще не были в употреблении».

По рассказам того же мельника, один молодой мужчина принёс на мельницу куриное яйцо. Причиной являлось то, что его жена не могла разродиться. Мельник взял это яйцо и спустил в желоб мельницы. Мужчина, придя домой, увидел, что его жена родила ребенка. В кишлаке Уртакурган молоко дойной коровы, отелившейся первым теленком, выливали в желоб мельницы с целью получать большие удои молока.

По информации Бахри Умирбаевой, 1922 года рождения, уроженки кишлака Дархан Ганчинского района, в этом селение тоже для того, чтобы роженица быстрее разродилась, приносили на мельницу несколько яиц и бросали их в желоб. Это ритуал совершала в основном её мать либо пожилые женщины из ее семьи. Другой пример: если у женщины было мало грудного молока, то брали комок ваты и обводили им вокруг её груди, а затем бросали эту вату в желоб мельницы. Приведённые выше примеры указывают на сложившиеся ещё в эпоху древности представления о сакральной чистоте желоба и жерновов мельницы.

К мельнице зачастую приводили также тяжелобольных и чем-то сильно напуганных детей и читали следующее заклинание:

*Дасти ман не азони Бибифотимаи Бизахро,
Дасти ман не азони Бихаличаи Кибриё,
Дасти ман не азони Чупонатои Занги Бобо,
Дасти ман не азони Хазрати Али,
Шишаи Наби аз пайгамбар атои ном
Мухаммад мустафои расули Аллох,
Дасти ман не азони Кассоби хун резанда,
Ба сарфи пул хисоб кун,
Ба дули осиеб, ба чаими хосид,
Хар, ки аз худаиш чик-чик, баро-баро (10).
Не моя рука, рука Бибифотими Захро,
Не моя рука, рука Бихаличи Кибриё,
Не моя рука, рука пастуха Занги Бобо,
Не моя рука, рука святого Али,
потомка Наби, пророка Мухаммада Мустафа Расулаллаха,
Оцени по оплате, отгороди от сглаза,
Выходи из него, выходи-выходи.*

Таджики Исфары также почитали мельницу как святое место. Жители селения Зумрадшох воду из-под лопастей мельницы семь раз приносили местному мулле, который читал над ней молитву («дам андохтан»). Эту освященную воду давали пить больному в надежде на его скорейшее выздоровление. С этой же целью пожилая женщина из семьи больного приходила на мельницу и бросала мелкие кусочки ваты в её желоб.

Пыль, осевшая в помещении мельницы, называвшаяся «хуги», также использовалась в качестве лекарства от испуга. Больной клал горсть такой пыли у изголовья постели вместе с зерном, перцем, пшеницей, кукурузой, костями коровы и барана на трое суток. Полагали, что этот обряд сможет излечить больного от его недуга. В кишлаке Чоркишлак Исфаринского района, также как и в уже упомянутом Ганчи, первое надоенное от коровы молоко выливали в желоб мельницы с надеждой на её обильную молочность (10).

Приведённые выше примеры подтверждают мнение археолога и известного специалиста по истории ирригации У. Эшонкулова о том, что «мельница является первой механической установкой в истории человечества, которая освободила людей от постоянной и трудной работы – помол зерна. Она работала благодаря двум сочетательным силам – воде и ветру, обрабатывала такой же чтимый всеми продукт – зерно. Поэтому мельница превратилась в одно из самых почитаемых культовых мест среди объектов древнеземледельческого населения, в том числе и жителей Северного Таджикистана» (11, с. 677-678).

Почитание мельницы привело к возникновению разных обрядов и ритуалов, отражающих отношение местного населения к мельнице. Истоки этой системы восходят к далёким историческим временам становления земледелия в Центральной Азии. Описанные нами обряды и обычаи, связанные с мельницей, как правило, направлены на получение благоденственно-магического эффекта: они проводились для предохранения от злой силы, охраны здоровья и излечения от недугов, для очищения и достижения благих целей – семейного благополучия и богатства.

Список использованной литературы:

1. Андреев М.С. *Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Вып. II./ Подготовила к печати А.К. Писарчик / М.С. Андреев. – Сталинабад: Академия наук ТаджССР, 1956. – С. 500.*
2. Джахонов У. *Мехвари тамаддуни Осиёи Маркази / У. Джахонов. – Худжанд: Меъроч, 2013. – С. 400.*
3. Ершов Н.Н. *Экспедиционный дневник. Гармская этнографическая экспедиция 1955 года.//Архив Ин-та истории, археологии и этнографии им. А. Дониша. Тетрадь №1 / Н.Н. Ершов. – С. 12.*
4. Кармышева Б.Х. *К вопросу о культовом значении конных игр в Средней Азии. / Прошлое Средней Азии (археология, нумизматика и эпиграфика, этнография) / Б.Х. Кармышева. – Душанбе: Дониш, 1987. – С. 231-242.*
5. Махсумов Алихон. *Пунук: аз замонҳои қадим то рузҳои мо. (Аз таърихи як деҳаи ноҳияи Ашт) / Алихон Махсумов. – Хучанд: Меъроч, 2012. – С. 183.*
6. Мирбабаев А.К. *История водоснабжения Худжанда и его округа / А.К. Мирбабаев. – Худжанд: Хуросон, 2005. – С. 53.*
7. Моногарова Л.Ф. *Материалы по этнографии язгулемцев: Среднеазиатский этнографический сборник II. Изд. АН СССР. (Труды Ин-та этнографии имени Н.Н. Миклухо - Маклая. Новая серия, том. XLVII. Отв. ред. Н.А. Кисляков, Т.А. Жданко / Л.Ф. Моногарова. – М., 1959.*
8. Бохири, Нозирчон. *Талош / Н. Бохири. – Душанбе: Адиб, 1990. – С. 48-75.*
9. Муродов О. *Джин в традиционных народных представлениях. / История и этнография народов Средней Азии: сборник статей. Отв. ред. А.К. Писарчик. (Памяти Н.Н. Ершова) / О. Муродов. - Душанбе: Дониш, 1981. – С. 141-150.*
10. *Полевые записи автора. Апрель-май 2013 г.*
11. Эшонкулов У. *История земледельческой культуры горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.) / У. Эшонкулов. – Душанбе: Деваштич, 2007. –С. 848.*

Reference Literature:

1. Andreyev M.S. *Tajiks of the Khoof Valley. (The Amu-Darya Upper Reaches). Issue II. Prepared for publication by A.K. Pisarchik . Stalinabad: Tajik SSR Academy of Sciences, 1956. – 500 pp.*
2. Djakhonov U. *Axis of Civilization of Central Asia. – Khujand: Merodge, 2013. – 400 pp.*
3. Yershov N.N. *Expedition Diary. Garm Ethnographic Expedition of 1955 // The article of the Institute of history, ethnography and archeology named after Akhmad Donish. Notebook #1. –p. 12.*
4. Karmysheva B.Kh. *On the Issue of Cult Importance of Horse Games in Middle Asia / The Past of Middle Asia (archeology, numismatics and epigraphy, ethnography). – Dushanbe: Knowledge, 1987. –PP. 231-242.*
5. Makhsufov Alikhon. *Punuk: since Ancient Times up to nowadays (From the history of Asht nokhiya villages). – Khujand: Merodge, 2012. – 183 pp.*
6. Mirbabayev A.K. *The History of Water Supply of Khujand and its Vicinities. – Khujand: Khuroson, 2005. – 53 pp.*
7. Monogarova L.F. *Materials on the Ethnography of Jazgulemians (Middle Asian ethnographical collection II. Edition of USSR AS (The works of the institute named after N.N. Miklukho-Maklay. New series, V.XL VII. Editors-in-charge: N.A. Kislyakov, T.A. Zhdanko). – Moscow, 1959.*
8. Nozirjohn Bokhiri. *Endeavours. –Dushanbe: Adib, 1990. – pp. 48-75.*
9. Murodov O. *Genie in Traditional Folk Notions/ History and Ethnography of the Peoples of Middle Asia (collection of articles). Editor-in-charge – A.K. Pisarchik (To the memory of N.N. Yershov). – Dushanbe: Knowledge, 1981. – pp. 141-150.*
10. *Author`s Field Notes. April-May of 2013.*
11. Eshonkulov U. *The History of Mountainous Sughd Agriculture (since ancientest times up to the beginning of the XX-th century). – Dushanbe: Devashtich, 2007. – 848 pp.*